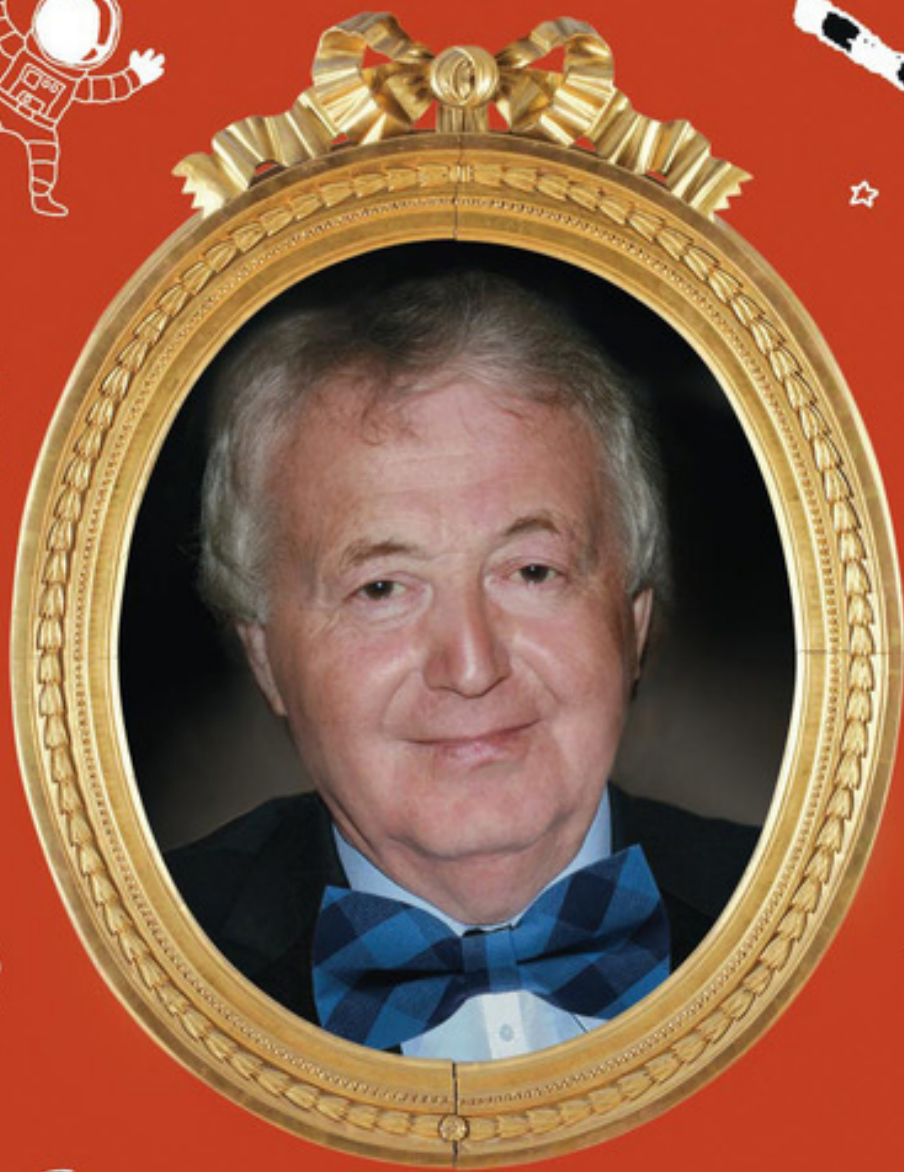

ПИСАТЕЛЬ-ОСТРОСЛОВ, МАСТЕР САТИРЫ
И ВИРТУОЗ ЭСТРАДЫ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ НОВУЮ КНИГУ.
СМЕШНЫЕ БАЙКИ, УМОРИТЕЛЬНЫЕ АНЕКДОТЫ,
ЗАБАВНЫЕ РАССКАЗЫ И КОМИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

ЛИОН ИЗМАЙЛОВ

ЗАБАВНЫЕ

Лион Измайлов

Засланцы

«Центрполиграф»

2018

УДК 82-7
ББК 83.3(Рос-Рус)6

Измайлов Л. М.

Засланцы / Л. М. Измайлов — «Центрполиграф», 2018

ISBN 978-5-227-07964-0

Представляем вашему вниманию новую книгу любимца публики, писателя-острослова, мастера сатиры и виртуоза эстрады Лиона Измайлова. Вот уже не один десяток лет этот человек дарит нам заряд бодрости, хорошее настроение и добрые улыбки. Прочь скука, грусть и хандра! Читайте забавные рассказы, уморительные анекдоты, смешные байки и комические повести. Вас ждут вымышленные герои и реальные персонажи из нашего прошлого: А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. И. Кутузов, Лжедмитрий I, Александр II, В. И. Ленин, И. В. Сталин, Л. И. Брежнев... Естественно, эти уроки истории преподнесены в характерном для автора забавно-ироническом стиле. Может, всё и не так было на самом деле, но никто не запрещает нам пофантазировать...

УДК 82-7
ББК 83.3(Рос-Рус)6

ISBN 978-5-227-07964-0

© Измайлов Л. М., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

История в лицах и анекдотах	6
История юмора в анекдотах	6
М. И. Кутузов	11
Александр II	14
В. И. Ленин	18
Лжедмитрий I	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лион Измайлов

Засланцы

История в лицах и анекдотах

История юмора в анекдотах

История юмора уходит в глубокую древность. Сколько существует человечество, столько существует и человеческий юмор. У животных, как мне кажется, нет чувства юмора. Чувство радости бывает, а вот юмор... Несмотря на то что лошади иногда ржут, я ни разу не видел, чтобы какая-нибудь лошадь рассказывала анекдот или собака умирала со смеху оттого, что какая-нибудь другая собака поскользнулась на арбузной корке и упала.

А вот люди шутили уже в каменном веке. Об этом рассказывают наскальные рисунки, найденные совсем недавно. На первом рисунке изображён человек в позе Жванецкого. Одна рука поднята, другая держит каменный манускрипт. Лицо такое, будто он шутит. Лица сидящих вокруг дикарей мрачные. Чувствуется, что оратору не удалось разбудить древнее чувство юмора.

На втором наскальном рисунке лица всего племени радостные, а посреди поляны на вертеле жарится первый в мире сатирик. Расшифрована и надпись, выбитая под рисунками. Оказывается, вся эта композиция называется «Шутка не прошла».

Прошла или не прошла – это вопрос второй. Важно, что шутки тогда уже были и население в основном понимало их правильно.

От тех далёких времён осталось немало шуток, связанных с людоедством, ну что ж, это было отражением насущных проблем, как сейчас – приватизация. Народ жил этим и, естественно, шутил по этому поводу. Так, один людоед долго не мог уснуть, ворочался на своём ложе. Потом сел, разбудил жену и сказал:

– Зачем я живу? Какова цель моей жизни?

Жена отвечает:

– Сколько раз говорила, не ешь на ночь интеллигентов.

Вот такая вот леденящая душу история.

В Древнем Египте шутили много и весело. При фараоне, как правило, кормились шуты. Общеизвестно, что когда фараон умирал, то вместе с ним в гробницу клали утварь, еду, лошадь, жену, собаку. Шута же замуровывали в гробнице живым, чтобы он веселил всю эту компанию.

Юмор помогал древнему человеку выжить. Известно, что сегодняшний обычай пропускать даму вперёд появился в глубочайшей древности. Древние люди жили в пещерах и на ночь заваливали вход огромным камнем, опасаясь хищных зверей. Утром, перед тем как выйти, камень отваливали от входа. Но выйти из пещеры охотник не решался, потому что не знал, кто там его подстерегает. Вот тогда-то и стали выпускать женщину вперёд. Дама выходила первой, а хищник уже сам отбивался как мог.

Вот такая вот древняя шутка, дошедшая до нашего с вами времени. Конечно, в те древние времена многое было связано с охотой, и юмор тоже был охотничий.

Муж однажды возвращается с охоты в шкуре, с копьём, весёлый. Забирается в пещеру и говорит жене:

– Ну всё, дорогая, месяц теперь мяса не будешь покупать.

– Что, лося убил?

– Нет, зарплату пропил.

От древних финикийцев до нас дошёл такой случай. Один финикиец (жутко древний) ловил рыбу удочкой на берегу древней финикийской реки. Вдруг он видит, как вверх по леске ползёт не менее древний червяк. Финикиец говорит:

– Ты что, сдурел, куда ты ползёшь?

Червяк говорит:

– Ты сам сдурел, меня там чуть не сожрали.

Древние евреи тоже были большие юмористы.

Так, у одного древнего еврея (где-то веке во втором новой эры) был сын. И вот этот сын взял и принял христианство. И этот древний еврей обращается к Господу и говорит:

– Господи! Ну что же это такое, я – правоверный еврей, воспитывал сына в лучших иудейских традициях, а он взял и стал христианином. Помогите, Господи, не знаю, что мне делать.

Проходит мимо другой еврей, но тоже древний, и говорит:

– Отстань от Господа. У него с сыном точно такая же история.

Вообще эти древние евреи, они странный были народ. И отношения у них с Богом тоже какие-то были странные. Ну, например, один еврей долго просил у Бога, чтобы он (еврей) выиграл в лотерею. Просил его где-то около года. И ныл, что он никак не выигрывает, до тех пор, пока наконец Бог не выдержал и сказал: «Но дай же мне шанс, купи хоть один лотерейный билет!»

Что касается Средних веков, то, по мере развития цивилизации, юмора становилось всё больше и больше. Японцы, например, всегда были жутко юморные ребята. По-своему, конечно. Хохотали, как говорится, до упаду. Некоторые смеялись так, что не выдерживали и делали себе харакири. Отсюда и пошло выражение – животики надорвать...

Был однажды в Древней Японии такой случай. Один самурай уехал в командировку. Возвращается домой, а у его самураихи в постели уже другой, но тоже самурай. С мечом, естественно, обнажённым. Этот первый самурай говорит:

– Но аната-ва, сто ето вы тута делаете, самурай-сан?

Жена говорит второму самураю:

– Вот, видишь, я говорила, что он дурак.

Этот самурай стал хохотать, а тот, который дурак, сделал харакири. Гостю.

Китайцы тоже народ весёлый. Но смеются над такими вещами, которые нам, европейцам, кажутся странными.

Вот, например, им, китайцам, почему-то становится жутко смешно, когда рождаются дети. Ну, вот родился новый ребёнок, и все вокруг умирают со смеху.

Жутко смешливый народ. Очень любят посмеяться. И вот так, смехом-смехом, а их уже миллиард. Когда они образумятся, станут серьёзными, поймут, наконец, что это всё не шуточки?

Но вернёмся в Европу. В Средние века в Европе много было сексуального юмора. Так, один король, проезжая через деревню, встретил молодого человека, как две капли воды похожего на него.

– Сколько вам лет? – спросил король крестьянина.

– Тридцать, – ответил тот.

– По всей видимости, – сказал король, – приблизительно тридцать один год назад через вашу деревню проезжал мой отец.

– Нет, – ответил крестьянин, – ваша матушка. Да, много было юмора, связанного с супружеской неверностью. И это можно понять. Телевидения не было, кино – тоже. Электричество и в помине не существовало. Ну, представьте себе: вечер, темень хоть глаз выколи, что бы вы на их месте делали?

Рассказывают, был такой случай. Один рыцарь, уезжая в Крестовый поход, оставил ключ от пояса невинности своей жены ближайшему своему другу. Единственному человеку, которому он безгранично доверял. Не успел рыцарь доехать до городской стены, как его догоняет этот самый друг и говорит:

– Хорошо, что ты не успел далеко уехать, ты перепутал и оставил мне какой-то другой ключ.

Во времена инквизиции, когда люди от недостатка зрелищ жарили друг друга на кострах, много было этого «жареного» юмора.

Ну, например, одного мужика обвинили ни с того ни с сего в колдовстве и собрались сжечь. Разложили хворост под ним. Великий инквизитор скомандовал: «Давай!» Только собрались поджечь хворост, как этот привязанный к столбу начал ржать, как лошадь. Хохоchet, слёзы по лицу текут. Его спрашивают:

– Ты чего?

Он говорит:

– Анекдот вспомнил. Жутко смешной.

Ему говорят:

– Расскажи.

Он говорит:

– А отпустите?

Ему говорят:

– Если Великий инквизитор засмеётся, отпустим.

Правда, тот вообще никогда не смеялся. Дуб дубом. А приговорённому терять уже нечего, он и рассказывает:

– Встречаются два крепко пьющих еретика. Один жутко мрачный.

– Ты чего?

– Да вот, как пьяный домой приду, жена в дом не пускает.

Второй говорит:

– А ты разденься догола, она дверь откроет, ты одежду всю брось внутрь, не оставит же она тебя голым на лестничной площадке.

Дня через три они встречаются. Первый ещё более мрачный.

– Представляешь, – говорит, – стою перед дверями, разделся, дверь открывается, я бросаю туда всю одежду и слышу: «Следующая станция – «Павелецкая»...

Все вокруг, конечно, заржали, а инквизитор спрашивает:

– А что тут смешного?

Ну и сожгли мужика. А жаль. Анекдот-то хороший. Просто мужик этот своё время определил. Родился раньше времени. Он семимесячным родился, когда ещё не было метро.

Что касается России, то на наших бескрайних просторах люди шутили широко и бесшабашно, иногда до смертоубийства.

Ещё во времена дохристианские такое творилось! Народ разгульный был, поклонялись Перуну, устраивали на полянах всякие танцы, обнимались, мёд пили, портвешком лакировали, во жуть была, все голые!

И где-то в веке восьмом, под Новгородом было дело (эта история на берестяных грамотах до нас дошла). Один, значит, добрый молодец, который по профессии был ходоком из варяг в греки, часа в три ночи вдупель пьяный, возвращается домой и волочёт с собой красну девицу, тоже вумат, что в переводе с древнерусского означает вдрабадан.

И вот этот добрый молодец стучится в дверь своей курной избы. Дверь открывает жена в одной ночной сорочке и с батогом в руках. Он ей, жене, говорит: «Тсс, скажи, что ты – моя сестра».

Ну, потом, конечно, до конца жизни ходил с одним глазом, но шутка удалась. Эта девица чуть со смеху не померла.

Да, любили тогда пошутить. Во времена Василия Третьего такая, например, история приключилась. Идёт похоронная процессия. Несут, стало быть, гроб. А в гробу сидит мужик в лаптях, шапке и на гармошке наяривает.

Навстречу дружбан:

– Кольк, ты, что ли?

– Ну.

– Так тебя же хоронят!

– Ну.

– Так ты же ещё живой!

– А их это колышет?

Во времена Екатерины жуткий был разврат. Она сама любила погулять, ну и придворные не отставали. Чуть что не так, давай изменять друг другу. Так, помнится, осталась от тех времен история.

Один боярин, а может, и дворянин, Василий, возвращается из деревенского имения домой, в столицу. Внезапно возвращается, не предупредив. Входит в комнату жены, а она в постели и больная. Кричит:

– Ой, умираю! Ой, зови лекаря.

Василий свет-Гаврилович кидается из жениной комнаты за врачом, а в коридоре сынишка говорит:

– Папк, там в шкафу дядя Петя сидит.

Василий возвращается в комнату, открывает шкаф, а там действительно дядя Петя сидит под одеждой.

Василий посмотрел на Петра и говорит:

– Петя, ты что, сдурел? Жена помирает, а ты с сыном в пряталки играешь.

И всё. Жена тут же на поправку пошла. Всё наладилось. Они долго жили, счастливо и умерли в один день, но в разные годы.

А во времена Павла какая история была. В то смутное время очень были в моде карточные игры. Вот однажды павловские вельможи играли в преферанс. Втроём играли. И один из них сел на мизере сразу на три взятки. Кто играет в преферанс, знает, что это такое, а кто не играет, поверьте – это плохо.

И так этому проигравшему плохо стало, что он дал дуба, то есть тут же прямо за столом отбросил сандалии и его обнял кондратий.

И вот идёт похоронная процессия, и несут гроб среди прочих и двое его друзей.

И один из них говорит:

– А вот если бы пошли с семёрки пик, то он схватил бы не три, а все пять взятки.

А второй отвечает:

– Да ладно, и так хорошо.

А царь Павел, который рядом был, он это всё услышал и говорит:

– Какие же вы бессердечные люди.

И точно, как в воду смотрел, они же, эти два типа, потом участвовали в его убийстве. Но, правда, были пьяными, хотя это и не послужило им смягчающим вину обстоятельством. И что интересно, Александр Первый заставил их, цареубийц, нести гроб с телом Павла. Исторический факт. И тут им уже не до разговоров было о мизере. Тут лишь бы ноги унести.

А то ещё при Александре Третьем была история. Он, Александр Третий, не очень любил евреев. Любил, но не очень. Ну, и народ, конечно, в соответствии с этим, тоже не шибко евреев жаловал.

И вот едут как-то в поезде генерал с собакой и еврей. И генерал издевательски так говорит собаке:

– А ну, Мойша, служи!

И собака служит.

– А ну, Мойша, сидеть!

И собака сидит.

– Лежать, Мойша!

И собака лежит.

Генерал всё это продемонстрировал еврею, а потом говорит:

– Ну что, умная собака?

Еврей говорит:

– Такая умная, что, если бы не была евреем, запросто могла бы стать генералом.

Генерал юмор оценил и захохотал, а потом, когда шутка до него дошла, хохотать перестал и насупился.

Вот такие вот дела. Бабка внучку родила.

В последующие века тоже, конечно, было много смешного, но об этом я вам расскажу как-нибудь в другой раз.

Честно говоря, мне все эти анекдоты надоели, кроме одного, детского, который мог быть в любом веке в любой стране.

На уроке в школе учитель говорит:

– Кто считает себя тупицей, пусть сам добровольно встанет.

Никто, конечно, не встаёт. Вдруг один ученик поднимается.

Учитель говорит:

– Ты действительно считаешь себя законченным тупицей?

– Нет, – говорит ученик, – просто неудобно, что вы один стоите.

Вот такая курага, кто не верит, тот врага.

М. И. Кутузов

Помню, было дело в 1812 году. Лето. Жара страшная. Приезжает ко мне посыльный, не какой-нибудь – генерал. И говорит:

– Михаил Илларионович просит вас приехать к нему в Филю.

Я говорю:

– А что стряслось?

Генерал говорит:

– Просто-таки даже неудобно вам напоминать: война, сударь.

– Ну, это-то я знаю, война-то давно, а что сейчас-то стряслось?

Генерал говорит:

– По большому секрету скажу вам, не сегодня завтра битва будет, судьба России решается, Михаил Илларионович просит не мешкая явиться к нему.

Делать нечего, собираюсь, скачу, лошадей загнал три штуки, однако очень скоро предстал пред ясным оком нашего полководца.

Он в полном расстройстве говорит:

– Хочу с тобой, мил дружок, посоветоваться, что делать.

– А что делать? – задаю я ему дурацкий вопрос.

– А то, – говорит Кутузов, – французы здесь уже, рядом. Силища у них огромная. И ты не забывай, это ж всё-таки Наполеон... Он, конечно, шельма, но гений. Военный гений. А я, ты знаешь... да старый я к тому же. Все устарились, всё на меня скинули. Я один за всё в ответе и что делать – не знаю. Завтра совет в Филях. Все приедут, все спрашивать будут. А что отвечать-то?

У него войска – тьма, а у меня – с гулькин нос. Да ведь у него опыт сражений, кого только не побеждал.

Бой давать? Или сразу отступить? Да кто я такой?! А ведь спрос с меня будет. Ежели проиграю – вся вина на мне. Выиграю – царь-батюшка победитель. Да не о том, пусть хоть кто победитель, лишь бы голову не сложить да позором свою седую не покрыть.

В общем, подскажи, что делать-то, не оставь меня, сиротинушку.

– С чего это, – говорю, – сиротинушку?

– А с того, что у меня и папа, и мама, все перекинулись в мир иной. – И глаз на меня выставил, а из глаза слеза крупная, как виноградина, покатилась. Виноград есть, «дамские пальчики», вот такая вот продолговатая слеза из глаза пролилась, причём одна.

Удивительный он человек, Михаил Илларионович. Но, вижу, нервы у него расстроены, надо как-то ему настроение поднимать. Говорю:

– Михаил Илларионович, а вы знаете, чем сирота отличается от портсигара?

– Откуда ж нам, неучам, такое знать? – И вторую слезу пускает. Она у него по щеке, по одежде и в голенище сапога закатилась.

«Вот ведь интересный, – думаю, – человек, этот Кутузов. Он же и Голенищев. Может, потому и Голенищев, что слезу умеет в голенище пускать».

– А тем, – говорю, – отличается портсигар от сироты, что портсигар без папирос, а сирота и без папи рос, и без мамы рос.

Что с ним было! Он так хохотать начал, видно, чисто нервное. Ну, напсиховался и, значит, вразнос. Хохочет, умирает со смеху, просто истерика какая-то, и слёзы льются, причём круглые. Вот, когда с горя, продолговатые были, а когда от смеха – круглые, прямо как шарики прозрачные. И тоже все в голенище скатываются. Но уже много этих слёз. Я ещё подумал, как бы он ноги-то не промочил и не простудился.

А он отсмеялся, говорит:

– Ну, насмешил ты меня, а дело-то всё равно делать надо. Никуда не денешься. Что завтра на совете говорить?

– А вы, – говорю, – батюшка Михаил Илларионович, сидите там тихо и не вылезайте поперёд всех. Пусть они выскажутся, а вы делайте вид, что дремлете.

– Как так дремлю?

– А так, свой единственный глазик прикройте и посапывайте. Пусть они говорят.

– Ну, и что?

– А ничего. Вы же знаете, на всё воля Божья, верно?

– Верно.

– Значит, что бы вы ни сказали, что бы ни придумали – решать-то не вам.

– А кому? Царю, что ли?

– Да, – говорю, – Царю, но Небесному. А там, батюшка Илларионыч, будь что будет.

– И то правда, – сказал Михаил Кутузов, – не зря я тебя позвал, всегда верный совет дашь.

И вот начался на другой день совет. Меня там, конечно, не было. Кто ж меня, штатского, на совет секретный пустит? Я ведь и разболтать могу. Я такой. А после совета призывает меня Михаил Илларионович к себе.

– Ну, как, – говорю, – прошло?

– Прошло-то вроде неплохо, – как-то нерадостно говорит Кутузов.

– Так что же не так-то? Что было-то?

– Так вот в том-то и дело, даже не знаю, с чего начать.

– С начала, с самого начала начните.

– Ну, так собрались все самые, можно сказать, из самых. Я совет открыл, а сам, значит, делаю вид, что кемарю.

– Ну, и дальше что?

– А то, ты не поверишь – я на самом деле уснул. Сначала-то понарошке посапывал, а потом, ты не поверишь, даже и не заметил, как взаправду уснул.

– Ну, и что дальше было?

– А то, что проснулся я и не знаю, чего они говорили, кто что предлагал. Я говорю им: «Ну, что ж, вы, дорогие друзья мои, соратники, дело своё знаете, так что не подведите меня, батюшку царя и Отчизну нашу. За нами Москва, и отступать нам пока что некуда. А там как Бог даст», – и попрощался с ними. И вот теперь и не знаю, что же завтра будет.

– Да как Бог даст, так и будет.

– И то верно, – сказал Михаил Илларионович, – а то, может, сходишь к ним, спросишь, кто из них что предлагал, может, что дельное?

– Нет, – говорю, – нельзя. Во-первых, неудобно.

– А во-вторых что? – насторожился Кутузов.

– А во-вторых, – говорю, – враг наш, Наполеон, хоть и поганец, а где-то верно сказал: «Нельзя план перед сражением менять».

– Почему?

– Потому что тогда неясно будет, хороший был план или нет.

– Так и сказал?

– Точно так и сказал.

– Вот ведь шельмец. А неглупый шельмец. Постой, – вдруг спохватился он, – так ведь это план менять нельзя, а у меня же никакого плана.

– Отсутствие плана – это тоже план, – глубокомысленно произнёс я.

После чего Кутузов махнул рукой и пошёл спать.

– Не усну теперь, – почему-то сказал он.

– Нервничать будете?

– Нет, – ответил Михаил Илларионович, – я же тебе говорил, на совете уже выспался.

На том мы и разошлись.

Знаю, что и Кутузов молился, и я молился. А дальше вы всё знаете.

После Бородинского сражения у нас выбора не было, пришлось Москву оставлять. Все шишки, конечно, на Кутузова посыпались.

И мне от него досталось – ворчал он: «Послушался тебя, дурака».

А тут как раз кто-то Москву поджёг, и запылала Москва, и пришлось Наполеону Москву покидать, а тут уж и Кутузов смекнул, что надо ему, Наполеону, другой дороги не давать, а гнать его по старой, разорённой Смоленской дороге.

И тут как пошло, как поехало, как погнали французов... Тут уж и сам Михаил Илларионович мне бутылку самогона поставил, хорошего подмосковного первача.

И выпили мы с ним, и салом закусили, и сказал он мне:

– Верно ты тогда подсказал, верно. Ведь ежели бы я не заснул тогда на совете, наверняка бы какую-нибудь глупость сморозил. Все бы исполнять кинулись, глядишь, всё бы и по-иному вышло. Дал Бог, выиграли бы мы эту Бородинскую битву. И так мы Москву по-умному оставили, и москвичи её по-умному сожгли. Вот оно всё как разумно получилось. О чём это говорит?

– О чём? – спрашиваю.

– А о том, что на каждую гениальную голову в России пыльный мешок найдётся.

Вот так он эту фразу и сказал. Это уж потом она преобразилась и стала звучать по-другому. Дескать, на каждую хитрую попу всегда найдётся кое-что с винтом.

А потом эта поговорка уже приобрела тот вид, который вы все, конечно, знаете.

Вот такой он был, Михаил Илларионович Кутузов. Мудрый был человек. Как говорится, и хитёр и мудёр.

И мы его за это помним до сих пор и почитаем.

И только сейчас, глядя на современную жизнь, понимаешь, как прав был Кутузов: для того чтобы спасти Россию, надо порой сжечь Москву.

Александр II

Самое главное, что сделал в своей жизни царь Александр II, – отмена крепостного права. Далось это нелегко. Мы давно ему говорили, что крепостных пора отпускать на волю. Это же был позор нации. Рядом, в Европе, все люди свободны, а у нас – европейская страна и на тебе – крепостные. Причём доходило до маразма, некоторые владельцы крестьян, самые заскоруждые из помещиков, до сих пор использовали право первой ночи. То есть перед свадьбой крепостная девушка должна была прийти на ночь к помещику.

Жена помещика к этому относилась спокойно. Да и крестьяне, надо признать, так уже к этому привыкли, что порой даже шутили: «А пушай барин чёрную работу сделает, а мы уж потом будем сливки снимать».

Вот так иногда шутовали эти развратники. А мы ещё боролись за отмену для них крепостного права.

Однако время шло, Александр, царь-батюшка, всё хотел отменить это рабство, но почему-то это ему никак не удавалось. Одни, либералы, говорили – надо отменять, другие, ретрограды, кричали: «Ни за что!» И ретроградов было, конечно, больше, чем нас. Кому охота отдавать своё, кровное. А их же не просто отпускать надо было, их же надо было наделять землёй, а поскольку денег у крестьян не было, то платить за землю должно было государство. Тогда мы, либералы, предложили царю поговорить с самим народом. Надо же и крестьян спросить: а хотят ли они на свободу?

– Что за глупый вопрос! – вскричал царь. – Как человек, находящийся в рабстве, может не хотеть свободы?!

– А вот так, – загадочно говорили ретрограды. – Вы, царь-батюшка, вспомните, как в двенадцатом году Наполеон листовки разбрасывал, что хочет освободить крестьян от крепостного права. Что получилось?

– А что? – испуганно спросил царь.

– А то, – отвечали ретрограды, – что весь народ поднялся на борьбу с Наполеоном. Пока ещё он не объявлял о своём намерении освободить крестьян – в партизаны шли ни шатко ни валко, но не очень-то. А как объявил, так крестьяне на него, на Наполеона, обозлились, все, кто мог, в партизаны пошли.

– А чего же они обозлились-то? – спросил царь.

– А то и обозлились, что Наполеон хотел вековой порядок нарушить. А крестьяне говорили: «У себя там, во Хранции, чего хочешь делай, а наших отцов родных обижать не смей». Это же его главная ошибка была, Наполеона, – пообещать русскому крестьянину свободу. Он-то привык в других странах: свободу пообещал – и все на его стороне. А здесь не прошёл номер, здесь крестьяне на него так взъелись, да и смели его. Ошибочка у него в России вышла. Он потом на острове сидел, репу свою чесал и всё думал: как же так получилось, что они, русские крестьяне, за ним, то есть за освободителем, не пошли? И невдомёк ему было, что у нас кто-то слух пустил, будто этот узурпатор, Наполеон, освободить хочет для того, чтобы своё ярмо на всех крестьян надеть. А ведь никто по-французски из крестьян ничего не понимает. Как, спрашивается, жить? Значит, получалось, чтобы под французами жить, надобно учить французский язык. А это уж извините. Заставить наших людей учиться? Да вы что?! Мы все что, Ломоносовы, что ли?

– Да, – вздохнул царь, – сложная ситуация. Я и не знал, что всё здесь так запущено.

Однако подумал царь немного и говорит:

– Так ведь это же давно было, это же полвека назад было. Должно же что-то за это время в сознании людей произойти. Эволюция, так сказать.

Вообще-то надо отметить, что царь Александр Николаевич был человек умный. Он и с умными людьми дружил, например с великим нашим писателем Алексеем Константиновичем Толстым. Он и земство ввёл, он и суды как мог реформировал. Да он, если хотите знать, он даже с турками войну выиграл, освободив болгар. А уж крепостное право – это просто обязательно надо было отменить.

Подумал он, подумал и говорит:

– А позовите-ка вы ко мне самого простого крестьянина.

Мы все, либералы, аж заплодировали такому прогрессивному решению нашего царя.

Аплодисменты стихли, а царь продолжил:

– Я сам с ним поговорю, сам у него спрошу: хочет он на свободу или нет?

Ретрограды тут приумолкли, закручинились, однако делать нечего. Нашли самого среднего крестьянина и привели к царю. Вот он, простой русский человек, Прохор Нефёдов. В тулупе, в валенках, в ушанке. Шапку он, конечно, снял. Да и тулуп с него стащили. Вот он стоит в валенках, штанах, в валенки заправленных, в рубаше ситцевой, пояском подпоясанной. Запах от него такой, что тут же духов принесли и на него вылили. Стоит он, значит, благоухает, трясётся весь. Шутка ли – перед царём-батюшкой стоит.

Александр Николаевич его успокоил, в кресло посадил. Сначала международное положение обрисовал.

Мужик головой кивал, делал вид, что всё понимает.

Царю в голову мысль трезвая пришла: «А понимает ли он действительно хоть что-нибудь?»

– Ты, братец, – сказал царь Прохору, – грамоте обучен?

– Так, немного есть, – солидно ответил Прохор.

– А скажи-ка ты мне, Прохор, сколько будет дважды два? – спросил царь.

Прохор почесал в затылке и сказал:

– А сколько вам, царь-батюшка нужно, столько и будет.

– Молодец, – сказал царь, – разумно отвечаешь. Соображаешь. – И все вокруг со смеху покатались.

Как же не смеяться, коли царю ответ понравился.

И Прохор осмелел, даже высморкаться оземь захотел, да вовремя ему платок принесли, избежали сраму.

Царь решил, что подготовил Прохора достаточно, и задал ему главный вопрос:

– А скажи-ка, Прохор, тут мне советуют одни люди уважаемые отменить крепостное право, а другие, не менее уважаемые, люди говорят, что право крепостное отменять ещё рано. Так вот я тебя и спрашиваю, как твоё мнение по этому поводу?

– Батюшка царь, – заговорил Прохор, – ума не приложу, про что вы. Ходим мы по воду, ходим, как не ходить.

Тут уж Александр не понял, о чём он говорит.

Я на помощь пришёл:

– Ваше величество, он говорит «ходим по воду», то есть за водой, потому что вы спросили его мнение по поводу. Ваше величество, такие сложные фразы ему не по умственным способностям. Мне кажется, не надо употреблять в разговоре с ним сложносочинённых и сложноподчинённых предложений, а также причастных и деепричастных оборотов.

Услышав мою тираду, Прохор заплакал и сказал:

– Батюшка, ни в чём не виноват. Единственный грех – в прошлом году корову из соседней деревни увёл, так мы же её тут же зарезали, и я её хозяину, как бы ко дню рождения, четверть самогона поставил, так совесть мучила.

– О чём это он? – уже в полном замешательстве спросил Александр Николаевич.

– Позвольте мне, ваше величество, задать ему вопрос в простой, естественной форме, – попросил я.

Царь позволил, и я задал этот непростой вопрос, разбив его на две части:

– Скажи, Прохор.

– Да, ваше высокобродие.

– Ты ведь сейчас крепостной?

– Крепостной, ваше высокобродие.

– Принадлежишь какому помещику?

– Князю Барятинскому.

– Хорошо. Царь-батюшка интересуется, не хочешь ли ты уйти от князя на свободу?

– Никак нет, ваше сиятельство.

– Ты не понял, – сказал я, – царь хочет всем вам, крестьянам, дать вольную. Всем, по всей России, чтобы вы больше не принадлежали помещикам, чтобы вы вольными были.

Прохор упал на колени, стал биться головой об пол и кричать:

– За что?! Батюшка, царь наш, Богом данный, чем прогневали? Живём, никого не трогаем. Верну я ему корову, вот подзаработаю и верну. Христом Богом прошу, не велите казнить, велите миловать.

– Постой, Прохор, э-э-э... любезнейший, – не выдержал царь, – мы же вам вольную дадим моим указом. Вольные вы будете по повелению моему царскому. Вы свободные будете.

– За что?! – кричал Прохор. – Князюшка нам как отец родной. Семья у меня большая, мужиков-то всего двое: отец мой да я с отцом. Куда мы пойдём?

– Никуда ходить не надо будет, – увещевал царь, – землю вам выделим. Помещик вам землю свою даст, а я за это помещикам заплачу, и вы будете свободно работать на своей земле. И платить государству налог.

– Ещё и налог? – зарыдал Прохор. – Батюшка царь, да зачем же это? Так ведь мы справно живём. С князем не ссоримся, работаем и на него, и на себя. Зачем же вам его-то обижать и нас нищими оставлять? Вот, – он показал на меня рукой, – и его высокородие не даст соврать.

И сколько мы с царем ни бились с этим Прохором, ничего не помогало, он стоял на своём.

И других приводили к царю: и бедных, и богатых, справных мужиков и лентяев – все они твердили одно и то же. Не хотели они свободы.

Один даже сказал: «Царь, отец наш родной, ежели нас отпустят силком, так мы все усадьбы барские сожжём. Я наш народ знаю. Вот ежели барин только скажет: «Идите от меня, более вы мне не дети», – так и сожжём».

Оттого и реформа забуксовала и шли эти нескончаемые совещания, бои между ретроградами и либералами годами, и ничего не мог царь поделать.

А что ты сделаешь, если сам народ не хочет, чтобы его освобождали?

Царь даже плакал, оттого что народ его не понимает.

– Как же так? – убивался он. – Для них же всё делается, а им это, оказывается, не нужно.

Шёл, как сейчас помню, 1860 год. Ехали мы с царём и со свитой, в которой были и противники, и защитники отмены. Остановились в каком-то небольшом городке. Царь – у купца в хорошем доме, мы тоже кое-как разместились. Вспомнил, городок тот Боровском звался.

Отправились мы пешей прогулкой за город, проходили мимо какой-то избы, и вдруг мне в голову ударило. Говорю царю:

– Ваше величество, не хотите воды деревенской из колодца попробовать?

Он так посмотрел на меня внимательно.

– Хочу, – говорит.

Подшли мы к колодцу, тут же крестьяне из ближайших домов сбежались. Налили нам воды. Стоим мы с царём, друг рядом с другом, пьём воду, и я ему тихо так говорю:

– Вот где про отмену крепостного права спрашивать надо.

Он на меня опять же внимательно посмотрел, вижу, понял он, чего я от него жду, выбрал самого на вид справно́го мужика и говорит:

– Скажи-ка нам, братец, только честно, хотел бы ты, чтобы крепостное право отменили?

Тот говорит:

– Конечно хотел бы, дак ведь как его отменишь?

– А почему бы ты этого хотел? – далее спрашивает царь.

– Так ведь свободные будем, работать будем на себя. На себя же по-другому работается. Ежели налог разумный будет, так и себя, и всю страну хлебом обеспечим. Только бы землицы получить.

– Вот, – сказал царь и оглядел приближённых.

Вы бы лица ретроградов в этот момент видели.

Будто у всех у них разом зубы заболели. Тогда царь ко всем остальным, рядом стоящим крестьянам обратился:

– А вы-то хотели бы свободными быть?

Те все упали на колени и кричат:

– Батюшка царь, ещё как хотели бы!

– Вот так, – сказал царь и всем выдал по пятаку. Не сам, конечно, а приказал, кому надо, всех наградить, а тому, первому, справному мужику лично рубль подарил. Быстро прогулку закончил, в Боровск вернулись, а затем прямым ходом через Москву в Петербург.

Тут же Госсовет собрал. Речь такую закатил. И что вы думаете, сдвинулось дело. Понял царь, что ему ретрограды своих запуганных крестьян доставляли, а те что им велено было, то и говорили.

Вот так, в 1861 году, крестьянское право и отменили.

Хороший царь был, чего только для народа своего не делал. И чем больше делал, тем больше не любили его. И тем больше и больше покушались на жизнь его, пока наконец не убили.

Вот ведь как бывает, а, допустим, другой царь, Иван IV, прозванный Грозным, как только он над своим народом не издевался. Казнил сплошь и рядом. Боялись его хуже, чем чумы. А поди ж ты, почему-то любили. Боялись и любили.

Но это совсем другая история.

В. И. Ленин

Году это было в 1917-м. Жили мы с приятелем недалеко от Петрограда, в деревне. Деревенька небольшая, окружённая лесами. В деревеньке в основном дачники жили. Народ местный летом переходил в сараи, летние кухни, а нам сдавали избы. Кто-то уже из городских и землю там выкупил да построился, так что и на дачах люди жили. Охота там была прекрасная. Мы с приятелем, Артём его звали, в лесу на опушке шалаш себе построили. Иногда охотились, рыбачили, да и ночевали в этом шалаше. Он не так далеко от деревни был, может, километра два, не больше.

И вот однажды сидим мы в шалаше. Приходят два приличных человека. Поздоровались, вежливо так разговаривают. Слово за слово, наконец к делу перешли. Предложили они нам за деньги шалаш уступить. Дескать, к ним друг приезжает из Швейцарии, и они ему хотели подарок сделать. Экзотику нашу показать. Он поживёт несколько дней, а мы вам за это заплатим.

Но мы с Артёмом люди благородные, от денег, конечно, отказались, а шалаш – пожалуй-ста, только условие: чтобы здесь всё чисто было, мусор не бросать, а сжигать или закапывать в землю. На том и порешили.

Дня через два проходим мимо, Артём говорит:

– Пойдём заглянем в шалаш.

Мы и пошли. Подошли, а там уже двое. Костерок разожгли, что-то в котелке варят. Мы извинились, попросили разрешения присесть к ним.

Один из них лысый, небольшого роста, довольно сильно картавит, но не противно, а даже как-то по-французски. Второй простого, видно, звания. Серьёзный и напряжённый.

Стали знакомиться.

Лысый говорит:

– Володя.

Я говорю:

– Как-то неудобно вас называть Володей, вы всё же старше нас.

– Нет, – говорит, – зовите просто Володя. Это для конспирации. Если сказать, что меня зовут, допустим, Владимир Ильич, то уже больше шансов меня найти.

Второй тоже представился, но я не запомнил его имени, предположим, его звали Иван.

– Мы пголетагии, – продолжал Володя. – Вот Иван, он потомственный, настоящий пго-летагий, а я тоже пголетагий, но умственного ттуда.

Мы тоже представились: Артём – юрист, я – писатель. Я всегда писателем представляюсь, может, потому, что на самом деле был писателем.

В первую нашу встречу мы совсем немного разговаривали, посидели, от чая отказались и ушли.

Артём по дороге говорит мне:

– Странные они какие-то.

– Да что же странного? – спрашиваю я.

– Почему-то он о конспирации заговорил.

– В шутку он сказал. С юмором человек, вот и шутит. Если бы действительно конспирировался, то вряд ли об этом стал говорить.

– И этот, второй, который пролетарий, – тоже какой-то подозрительный, смотрит вопрошающе, будто с опаскою. Оглядывается всё время.

– Знаешь, люди чужие пришли, лес вокруг, конечно, будешь подозрительным.

Два следующих дня пролетарий прибегал к нам то за солью, то за спичками, то за ведром. Судя по всему, наши туристы не были готовы к жизни в лесу.

На третий день я пришёл к Володе и Ивану один. Мой друг не захотел идти, сказал: «Не нравятся они мне».

Сели у костра, вскипятили чай, и я спросил у Володи:

– А почему бы вам не снять избу? Вам там будет удобнее.

– Нельзя, – с ласковым прищуром ответил Володя, – конспигация. Никто не должен знать, что мы здесь, – и засмеялся заливисто.

Смех у него был весёлый, просто мальчишеский. Иван пояснил:

– Шуткует Владимир Ильич, шуткует. Нам здесь, в лесу, лучше. Воздух чище.

– А чем вы, батенька, занимаетесь сейчас? – спросил Владимир Ильич, заложив пальцы рук за жилетку. И тут же он стал жутко похож на задиристого петушка.

– Пишу, – скромно сказал я.

– Это я понимаю. А о чём пишете?

– О сомнениях. О сомнениях интеллигентного человека.

– Вот, – сказал Владимир Ильич, – вечные сомнения интеллигентного человека. Из-за этих сомнений стгана наша стоит на месте и не сдвигается впегёт ни на агшин.

– Вы считаете, что ей лучше двигаться так, как двигаются Соединённые Штаты к цивилизации, которая губит лучшие человеческие чувства и стремления?

– Вот именно это и есть вечная пглоблема нашей интеллигенции. Вместо того чтобы повести стгану впегёд, вы жалко плетётесь в хвосте общества.

Желая перевести тему, я спросил:

– А чем вы занимаетесь, Владимир Ильич?

Владимир Ильич захохотал и сказал:

– Хочу пегевегнуть миг.

И они оба засмеялись.

– А точку опоры вы уже нашли?

– Геволуция – вот наша точка опогы.

– Шуткует всё, – сказал Иван, будто извиняясь передо мной.

– Мало вам одной революции?

– Мало! – закричал Владимир Ильич. – Это была всего лишь гепетиция. А мы сделаем настоящую.

– Кто это – мы? – спросил я.

– Мы с пголетагиатом, то есть вот с ним.

Тут уж и я засмеялся, понимая, что меня разыгрывают.

– Да, батенька, мы постгоим новую жизнь и создадим новое госудагство, в котогом не будет места сомневающимся.

– Интересно, – спросил я, уже понимая, что меня разыгрывают, – как же вы видите это своё будущее государство?

– Землю – кгестьянам, – сказал Владимир Ильич, – фабрики – габочим.

– А кто же управлять будет этими фабриками?

– Спецы стагой Госсии, пока мы у них не научимся этому делу. А потом их всех в гасход.

– Прямо-таки всех?

– Ну, некоторых оставим для газвода, – и снова весело засмеялся.

– Ну а что с царём будете делать?

– Гасстгеляем, – коротко и жизнеутверждающе сказал Владимир Ильич.

– А правительсво нынешнее?

– Обязательно гасстгеляем.

– Помилуйте, вы, Владимир Ильич, в Бога-то верите?

– Ни в коем случае, – сказал Владимир Ильич и, заговорщически подмигнув, добавил: – И всех цегковников гасстгеляем. Мы дадим новую идеологию нагоду.

– Какую же?

– Счастье нагода – вот наш Бог.

– И всё?

– Всё.

– Кто же это всё будет делать?

– Пагтия, а за ней и весь нагод.

– И вы думаете, что народ пойдёт за вами, если узнает о ваших наполеоновских планах?

– Тсс, – Владимир Ильич прижал палец к губам, – никому ни слова. Это будем знать пока только мы тгое и ещё пага десятков товагищей.

– Скажите, Владимир Ильич, – показал я на его рваные башмаки, – и всё это вы будете делать в этих башмаках?

– Это дело наживное, – сказал Владимир Ильич и опять засмеялся.

– Завтра я вам принесу ботинки, у меня есть здесь лишние.

Назавтра, когда я принёс Владимиру Ильичу ботинки, они с Иваном уже собрали вещи и собирались уезжать.

Ботинки Владимир Ильич взял, тут же в них переобулся и сказал:

– Прощайте, любезнейший, я вас не забуду, когда мы сделаем геволюцию.

Они с Иваном сели в машину, которая каким-то невероятным образом проехала сюда, на опушку, и укатили.

Вначале я думал, что он просто сумасшедший, но через несколько лет, когда мы встретились с Артёмом в ЧК в качестве заключённых, мы вспомнили и подробно обсудили всё, что мне когда-то говорил Владимир Ильич. Вспомнили и поняли, что многое из того, что тогда пообещал мне, он уже осуществил. И остальное тоже было не за горами. Артём тихо сказал мне:

– Помнишь, он мне сразу не понравился.

В это время нас куда-то повели, Артёма и меня.

В коридоре, как ни странно, мы встретили Владимира Ильича.

– Куда ведём? – спросил Владимир Ильич конвоиров.

– В расход пускать, – ответил главный.

– Нет, батенька, так дело не пойдёт. – И, повернувшись ко мне, он сказал: – А помните, что я вам тогда обещал?

– Помню, – сказал я, – слово в слово помню.

– А это помните? – показал он мне ботинки.

– Конечно, Владимир Ильич.

– Вот видите, а вы мне тогда не повегили, я видел, что не повегили.

– Я думал, вы шутите, – честно признался я.

– Нет, батенька, какие уж тут шутки, – сказал он и пошёл дальше по коридору.

А нас повели на расстрел.

Вот и вся история.

Не верите? И напгасно. Людям надо вегить, особенно таким.

Лжедмитрий I

А я вам так скажу, всегда надо делать то, к чему душа лежит. Если любишь – женись. На любимой женись, а не на деньгах. Там, у нас в душе, компас такой есть, очень точный, он всегда показывает в нужную сторону, но мы очень часто не обращаем внимания на стрелку этого компаса. Идём вслед жадности, похоти, властолюбию и в результате обязательно проигрываем. Однажды из-за этого жизнь всей нашей страны в другую сторону пошла.

Конечно, историки со мной могут не согласиться, но это их дело, а моё дело рассказать то, чему сам я был свидетель. Было это, как сейчас помню, в начале XVII века. Смеркалось. Причём смеркалось каждый день. Жизнь тогда была мерзопакостная. Одним словом, два слова – Смутное время.

И вот на тебе, вдруг, ни с того ни с сего, появляется этот Лжедмитрий. Идёт из Польши с войском. И все города русские ему сдаются. Почему? Потому что народ терпеть не мог Годунова.

Во-первых, потому, что именно с его подачи закрепили всех крестьян. Это же при нём царём Фёдором Иоанновичем было введено крепостное право – «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». Вот откуда идёт эта пословица. Раньше-то в Юрьев день крестьяне могли уходить к любому помещику, но Годунов это дело прекратил.

Во-вторых, был он, Годунов, подозрителен и мстителен, по всей стране продолжал вслед за Грозным поощрять доноительство и слежку. Сажал, ссылал и казнил лучших людей русских, боясь за свой трон. Один только пример с Романовыми. Он боялся их, потому что они должны были царствовать и народ их любил.

Так вот, родственник Бориса Семён Годунов подкупил казначея Романовых, который спрятал в кладовой у них мешок с кореньями, и донёс, что они замышляют извести царя отравой. Этого одного было достаточно, чтобы Фёдора Никитича Романова насильно постригли, назвали Филаретом, шестилетнего его сына Михаила, супругу, тоже насильно постриженную, и всех его родных сослали в разные места.

Это уж потом, через десять лет, Михаил стал царём, а Филарет стал патриархом.

И ещё один момент нельзя упускать. Народ всё же не верил в то, что царевич Дмитрий сам себя заколол. Хотя ещё не родился Чехов, и неизвестна была фраза «унтер-офицерская вдова сама себя высекла». Не верил народ в случайное самоубийство, несмотря на уверения Василия Шуйского, который это дело в Угличе расследовал.

Короче, народ его, Бориса Годунова, недолюбливал, а если быть совсем точным, терпеть он его не мог.

А Дмитрий, не будем его пока называть «лже», ещё мы не дошли до этого «лже», Дмитрий, он вёл дело по-умному. Он посылал грамоты, в которых очень живо описывал, как ему удалось выжить, завоёвывая города, не казнил своих противников, а щадил их, и многие переходили на его сторону. Парень он был неглупый, роста небольшого, не шибко красив, но обаятелен и находчив. В Польше он всем всего наобещал: города русские, деньги, и что Русь перейдёт в католичество, и что женится на дочке знатного поляка Мнишека, то есть на Марине. Не шибко, надо сказать, красивая была. Я лично её знал и могу сказать, что была она маленькая, хитрая, одним словом, пше-пше-пше пани.

И вот вся эта гоп-компания: поляки, русские, недовольные Годуновым, донские и запорожские казаки, немцы-наёмники двигались на Москву.

Организм Бориса не выдержал, и он, Борис, дал дуба на 54-м году. То есть хватил его, Годунова, кондратий.

Сыну Годунова, Фёдору, было 16 лет. Очень симпатичный был парень, умный, добрый. Москва и войско присягнули ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.